

КАК Я РЕШИЛА НАПИСАТЬ КНИЖКУ ПРО КАТЮ И МАНЮ СКОВОРОДКИНЫХ

Однажды я сидела дома и пила чай с сушками и вишнёвым вареньем.

«Эх! — думала я. — До чего же славно всё-таки чай пить! Жалко только, что я одна сижу. Зашёл бы кто-нибудь на огонёк, что ли!»

И только я так подумала — дзинь! — звонок. Пришли две мои знакомые девочки, две родные сестры Катя и Манечка Сквородкины. Мы с ними в соседних подъездах живём, они — в третьем, а я — в четвёртом.

— Здравствуйте, тётя Ира! — весело закричала с порога старшая, Катя, неполных семи лет. — А что вы делаете, чай пьёте, да? Вот здорово! А мы думали, детские писатели целыми днями только книжки пишут.

— Здравствуйте, тётя Ира! — солидным басом вторила ей младшая, Манечка, неполных шести. — А можно нам с вами тоже чаю попить? А то я очень чай люблю. — И Манечка погладила себя по животу, чтобы показать, как она любит чай.

— И я люблю! — махнула тощей рыжей косичкой Катя. — Особенно с вареньем!

— А я особенно с сушками! — сказала Манечка.

— Так что же вы стоите? Садитесь! — пригласила я.

Катя с Манечкой мигом забрались с ногами на диванчик и наполнили блюдца вареньем. А я налила им крепкого душистого чаю: Кате в стакан с подстаканником, а Манечке — в большую чашку с синим кораблём.

— Чур, мой стакан! Чур, моя чашка! — закричали одновременно Катя с Манечкой, схватили одна — стакан, другая — чашку и, очень довольные, принялись прихлёбывать чай с вишнёвым вареньем. Манечка — из стакана с подстаканником, Катя — из чашки с синим кораблём.

— Ой, как вкусно! Какое варенье-то сладкое! Правда, Манечка? — весело сказала Катя и как бы невзначай двинула своим острым, как конец линейки, локтем в пухлый Манечкин бок.

Манечка поперхнулась, но стакан не выронила (она его цепко держала).

— Прелесть варенье-то, — важно сказала Манечка. — А сушечки — ещё лучше. Правда, Катечка? — Поставила стакан на стол, повернулась к сестре Кате и так щёлкнула её по лбу, что по комнате звон пошёл.

— Ну вот что, хватит, уважаемые сёстры! Вас надо рассадить, — сказала я. — Вы почему себя так безобразно ведёте? Да если бы я только знала, ни за что вас чаем не стала бы поить! Лучше бы Нинку Кукушкину позвала и всё варенье с сушками ей отдала!

— Ой, не надо! Не надо Нинку Кукушкину звать! — сразу испугались Катя с Манечкой. — Нинка — вредная! Она нас Сквородками дразнит!

— Знаю я вас! — сказала я. — Вы, наверное, сами первые её дразните.

— Не дразним! Не дразним! — закричали обиженно Катя с Манечкой. — Мы только очень редко ей говорим «Кукушка-кукушка, глупая ватрушка, в лужу упала, грязи набрала».

— Так я и знала, — сказала я. — Хороши, нечего сказать!

— Мы не виноваты, — сказали Катя с Манечкой. — Зачем она на нас Косте Палкину паябедничала, что мы у него ружьё сломали? Костя после этого с нами целый день дружить не хотел. А мы не нарочно. Оно само сломалось, правда, Манечка?

— Ага. Хоть бы эту кукушку-ватрушку Змей Горыныч за синие моря, за зелёные леса унёс! Знаете, как во дворе без неё хорошо бы стало! Вот возьмём и пойдём Змей Горынычу телеграмму: «Срочно унеси Нинку Кукушкину за зелёные леса и утопи её в синем море».

— Ничего себе! — удивилась я. — Вот вы, оказывается, какие жестокие дети, а я и не знала!

— Это Катя жестокая! Катя! — сразу закричала Манечка. — А я хорошая девочка! Добрая и послушная. Меня мама с папой всегда хвалят. Знаете что, тётя Ира, я вас давно хотела попросить: напишите про меня, пожалуйста, книжку, чтобы другим детям меня в пример ставить. Знаете, я как всем детям понравлюсь!

— Лучше про меня напишите! — обрадовалась Катя. — Ничего в Манечке хорошего нет.

— Это в Кате ничего хорошего нет! Скорее про меня напишите. Знаете, какая книжка, тётя Ира, хорошая получится! Я вам всё сама про себя расскажу, вам и сочинять ничего не надо будет.

И вы знаете, мне почему-то и в самом деле вдруг захотелось написать книжку про двух этих смешных девчонок. Просто даже непонятно, почему. Вроде девчонки как девчонки. Ничего замечательного. Даже наоборот.

И действительно, я взяла и написала эту книжку. Вот она, перед вами.

Катя с Манечкой её уже прочли. Они её раз двадцать во двор таскали, всем показывали: Косте Палкину, Нинке Кукушкиной, Матвею Семёнычу, их приятелю, и даже дворнику Симе Ивановой, с

которой у них были довольно сложные отношения. И ничего, всем понравилось. Даже вредной Нинке Кукушкиной.

КАК МАНЕЧКА И КАТЯ СЧИТАЛИ ДРУГ ДРУГА КРАСАВИЦАМИ

Итак, жили-поживали на свете Катя и Манечка Сквородкины. (Это только так говорится «жили-поживали». На самом деле они и сейчас живут себе поживают, только постарше стали)

Были это дети неплохие. Довольно даже симпатичные. Во всяком случае, иногда (очень редко, правда!) их родители Вероника Владимировна и Валентин Борисович бывали ими довольны.

Это случалось, когда Катя не отнимала у Манечки любимую Манину куклу Зюзю с роскошными розовыми локонами, с оторванным ухом и с пришитой чёрными нитками правой рукой; стеклянные шарики, которые Маня держала в специальной картонной коробочке и тёрла по утрам Зюзиной юбкой, чтобы блестели; осколки красной чашки в горошек, хранимые Маней в тумбочке пуще зеницы ока; камешки с Южного берега Крыма; сломанную ракетку от бадминтона; мамину пудреницу с треснутым зеркальцем, пуговицу и прочие весьма любимые Манечкой вещи, а Маня в ответ не поднимала оглушительный рёв и, заливаясь горячими слезами, не кричала оглушительным басом на всю квартиру: «Отдай, Катища-вредятища! Всё маме скажу!»

Когда Манечка не каталась без очереди на неподвижном велосипеде, который сделал для детей Валентин Борисович, и тощая Катя, безуспешно пытаясь столкнуть обеими руками с велосипеда толстенную Маню, не заявляла оскорблённо: «Слезь, Манища-тараканища! Всё папе скажу!»

Когда Катя и Маня не топали, как слоны, не визжали, как поросята, не орали, не били в кастрюли палками и не носились друг за другом, как разъярённые пантеры, по квартире.

Когда не разбивали посуды и тайком не выкидывали осколки в мусоропровод, а если выкидывали, то честно в этом признавались.

Когда жадная Манечка не съедала предназначенное для Кати мороженое, а вредная Катя не ставила Мане подножку именно в тот момент, когда Манечка торопилась первой поцеловать папу, возвращавшегося с работы, и неповоротливая Маня не грохалась на пол, как туго набитый мешок с картошкой, и вместо радостных приветственных возгласов по поводу прихода дорогого папочки стены прихожей снова не сотрясали громopodobные вопли.

Когда сёстры не стукали друг друга ложками по голове во время обеда, не красили в чернилах Катини старые джинсы, мамины новые носовые платки и длинные пушистые усы кота Мышкина, который при этом возмущённо мяукал и вырывался, оставляя на руках сестёр длинные красные царапины.

Когда не прыгали с криками «Алле гоп!» и «Эгейгей!» на пружинных матрасах, изображая смелых артистов цирка.

Когда не шептались за спиной у Вероники Владимировны и не мешали ей писать акварелью специально купленные для этого букеты цветов. (Вероника Владимировна была художница.) А также не включали на полную громкость «Спокойной ночи, малыши» во время шахматного блицтурнира Валентина Борисовича с соседом дядей Петей. (Папа Валентин Борисович был любитель-шахматист.)

Когда не удирали на соседние дворы со своими друзьями Костей Палкиным и Нинкой Кукушки-

ной и не пропадали там, занимаясь неизвестно чем. Не пели неприличных песенок, принесённых неизвестно откуда.

Когда подметали пол и мыли посуду. (Да, случилось и такое...)

Словом, повторяю, сёстры Сквородкины были всё-таки неплохие дети.

Одно непонятно: родные сёстры совершенно не были друг на друга похожи! Рыжая Катя была длинная и тощая, как спица. Всё у неё было острое — локти, колени, подбородок и даже нос.

А Маня была, наоборот, круглая и плотная, как кочанчик капусты приличных размеров. Нос у Манечки был, по мнению папы, похож на полуостров Таймыр. То есть он тоже был скорее круглый, чем вытянутый.

Но это у Манечки такой был нос, когда она ещё маленькая была. А по мере того как она подрастала и пользовалась любым подходящим случаем, чтобы брякнуться на землю и стукнуться носом (Манечка очень неповоротливая была!), то нос её от этого делался всё круглее и круглее и наконец принял почти идеально круглую форму, то есть стал похож на бильярдный шарик или на молодую розовую картошечку, и это, конечно, бедную Маню никак не украшало.

Глаза у Кати Сквородкиной были блестящие и жёлтые, как две совершенно новенькие копейки, а у её сестры глаза были светло-голубые, как её любимые стеклянные шарики. Ресницы у обеих сестёр были длинные и рыжие. Косичка у Кати была короткая и тощенькая, а у Манечки косичка была подлиннее, светлая и тугая и завязана красной ленточкой. (Ленточка, правда, без конца развязывалась и терялась, отчего Маня часто ползала на животе под столом и стульями, разыскивая её, и при этом с грохотом опрокидывала эти самые стулья и иногда даже сваливала на себя вместе со

скатертью со стола кастрюлю с молоком, горячие сырники и чайный сервиз.)

Катя с Манечкой часто ссорились, но друг друга любили и даже считали красавицами. Маня считала красавицей Катю, а Катя Маню. Маня мечтала быть тощей, как её сестричка, и иметь такой же замечательный, длинный, острый нос. А Катя мечтала потолстеть и стать как Маня. А главное, она очень хотела, чтобы уши у неё не торчали в разные стороны, а, как у Мани, были аккуратно прижаты к голове.

Поэтому жизнь у сестёр Сквородкиных была беспокойная.

Манечка всё время сжимала свой круглый нос, чтобы он стал потоньше, и дёргала его, чтобы он вытянулся. Даже ночью она держала себя за нос, чтобы и во сне его вытягивать. Но зловредный нос становился от всего этого, наоборот, всё круглее и толще.

А Катя (разумеется, когда родителей дома не было!) даже дома ходила в шапке, чтобы уши у неё привыкли прижиматься к голове.

Но упрямые уши не привыкали! Только Катя снимала шапку, как они тут же вставали торчком!

Тогда однажды Катя взяла клей «БФ», намазала уши с обратной стороны клеем и целый день ходила в шапке, воспользовавшись тем, что папа был на работе, а мама ушла на художественный совет.

«Теперь всё будет в порядке! — думала Катя. — Клеем “БФ” не то что уши — им даже стеклянную чашку склеить можно!»

Кате не терпелось поскорей снять шапку, чтобы полюбоваться приклеенными ушами, но она всё же дождалась вечера.

А вечером Катя стала стягивать с себя шапку, а шапка не снимается! Она вместе с ушами к голове приклеилась.

Катя страшно испугалась. Она побежала в ван-

ную и сунула голову прямо в шапку под струю горячей воды. А шапка не отклеивается! Катя её дёргает, дёргает, а с шапки малиновая краска течёт Кате прямо по лицу — шапка крашенная оказалась.

«Ой! Что я наделала! — думает Катя. — Неужели мне теперь придётся в этой проклятой шапке так всю жизнь и ходить?»

Тогда Манечка решила Кате помочь. Она Катину голову в шапке стала изо всех сил мылом намыливать, чтобы она отклеилась. Не голова, конечно, а шапка. Можете себе представить, что это была за стирка! Вы, наверно, никогда не видели, чтобы шапку вместе с головой стирали. Катя с Манечкой малиновой краской и мыльной пеной с ног до головы перемазались. Еле-еле им удалось шапку от головы отклеить!

Но Катины уши тоже отклеились. Да ещё почему-то синие стали. Так что когда мама наконец возвратилась с художественного совета, она чуть в обморок не упала, увидев Катины синие уши и лицо в странных малиновых подтёках, а также Манин ярко-малиновый живот.

С тех пор Катя больше уши к голове не приклеивала, хотя и продолжала Мане завидовать.

А что касается Манечки, то однажды она решилась на невероятный подвиг — целый день не ела, чтобы похудеть и стать стройной, как Катя. Она терпела, терпела... А ночью, прямо во сне, вдруг как подскочит, как кинется к холодильнику! Да так навернула, что у неё к утру разболелся живот и пришлось вызывать врача.

А Катя, между прочим, пока Маня голодала, наоборот, заставляла себя через силу глотать еду, чтобы потолстеть. И в результате тоже разболелась. Так что доктор Роза Макаровна их одновременно лечила.

Как видите, ничего хорошего не вышло из того, что Катя с Манечкой друг дружке завидовали. И я

думаю — не случайно. Потому что завидовать — плохо. Уж какой ты есть, такой и есть, я так считаю.